

Григорий БЕНЕВИЧ

ОКСФОРД

Отрывки из книги мемуаров¹

Часть 1. Практическая Триадология²

Через 14 лет после своего 9-месячного пребывания на деревне Бычье на русском Севере³, я осенью 1994 г. оказался в Бычьебродске (как на русский переводится Oxford). И тоже пробыл там 9 месяцев.

Не буду долго распространяться о том состоянии, в каком я приехал и находился в первое время в Оксфорде. Приведу лишь одно небольшое стихотворение того времени. Из него все ясно:

...нет такой точки,

с которой можно было бы на жизнь
взглянуть спокойно: на болезни дочери,
на дерзость сына, на отчаянье жены,
на собственное безобразие,
на то, что, неоформленное, в прах
все возвратится бездыханный...
разве
что Бог с людьми оставит нас в стихах.

Итак, опуская пока все личное, перехожу сразу к общезначимому. Как известно, Оксфорд славится своей системой тьюторства, при которой студент или даже такой «приглашенный товарищ» (*visiting fellow*), каким был я, закрепляется за каким-то профессором. Раз в неделю он с ним встречается, не помню, в течение часа или двух академических часов. Профессор дает своему подопечному задание со списком литературы – все это нужно прочесть, написать эссе, принести и зачитать профессору, а потом с ним обсудить. Ну, так вот, надо ж было так случиться, что мне, тогда пылкому православному неопиту, дали в тьюторы католического священника из монастыря *Greyfriars* (капуцина, францисканца), который был, как потом выяснилось, к тому же еще и американским харизматом! Полный такой, очень эмоциональный дядька, тогдашний настоятель (он был им с 1993 по 2004 г.) этого монастыря Томас Вайненди (*Thomas Weinandy*). Некогда монастырь *Greyfriars* был славен именами Александра Хальского, Роджера Бэкона, Дунса Скота, Уильяма Оккама, а теперь вот братию возглавил приехавший из Штатов Томас Вайненди... Не знаю, случайно или нет, но уже с 2008 г. монастырь перестал быть частью Университета, в учебном процессе уже не участвует. Мой тьютор был в этом плане его почти лебединой песней.

Томас Вайненди считался спецом по триадологии. Написал на этот счет книгу, которую и предложил мне в качестве главного учебного пособия. Ну, еще мы с ним

¹ Продолжение. Начало см.: «Звезда», № 4 за 2026 г. и «Волга», № 1-2 за 2026 г.

² Учение о Троице.

³ См. о нем: «Звезда», № 4 за 2026 г.

пытались читать (по-английски) Августина и Фому – как раз по этой части. Но, читая его книгу, я откровенно не мог согласиться с ее главным тезисом (о нем ниже), и сначала говорил ему, что я его не понимаю, и безуспешно просил объяснить. Сказать, что я с этим тезисом просто не согласен, что он представляется мне сушей ересью, я сначала стеснялся – только что приехал, никто и ничто, и сразу спорить... Но особо скрывать свое отношение ко всему тоже не старался. В общем, так я отходил к нему целый семестр, к обоюдному взаимному неудовольствию, пока не уговорил владыку Каллиста (Уэра) стать моим тьютором на следующий семестр.

Итак, в чем же специфика учения Вайненди? В двух словах – он отождествлял Ипостаси в Троице с актами или действиями. Например, если Сын Божий рождается от Отца, то Его ипостась это не Ипостась Сына, а Рождение – то самое, что в православном богословии называется ипостасной особенностью.

Что вся эта теория Вайненди (об ипостасях как «актах») означала на практике, я наблюдал один раз воочию. Как-то раз я был зазван на встречу профессора со студентами, а на самом деле – на «радение», которое устраивал Томас со своими студентами. Они в натуре, прочитав кусочек из Евангелия, вызывали Св. Дух по подобию харизматов-протестантов (пятидесятников?). Атмосфера была очень взвинченная, и возбуждение не шуточное. Снисходил ли на них Св. Дух, не знаю, но лицо полноватого Вайненди наливалось краской как после пива и хорошей бани. По окончании всего этого радения участники преспокойно очень по буржуазному чинно отправлялись пить кофе со всякими вкусоностями. Эх, подумал я (живший в Оксфорде в режиме изрядной экономии), кабы можно было б эти печеньки, да без радений... но этот вариант никто не предлагал.

Фокус во всей этой истории в том, что хотя подобные радения были вроде как необязательны, и я, конечно, больше на них не ходил (потеряв все шансы получить протекцию Вайненди на продолжение учебы в Оксфорде), но я-то был заезжим «приглашенным товарищем» (без каких-либо обязательств), а что прикажете делать студенту-аспиранту-докторанту, который от этого Вайненди зависит – и в плане оценок, и в плане академического продвижения... Судя по числу участников радения, многим из студентов-докторантов приходилось волей-неволей во всем этом участвовать (вот те и либеральнейший в мире универ!). Ну, или они в самом деле испытывали прилив несказанной благодати... Я же и в тот единственный раз сидел на этом радении и чувствовал себя как в аду. Только вот про себя молиться пытался, чтоб не совсем худо стало... На кофе и печеньках, впрочем, потом все как рукой сняло....

При этом, сколько помню, Вайненди выдвигал всю эту свою теорию в качестве некоей широкой экуменической платформы, полагая – на основании одной фразы из «Слова 29» Григория Богослова, что и каппадокийцы, по крайней мере один из них, придерживались того же самого понимания ипостаси; договорившись так с православными, он планировал дальше договориться и с мусульманами – трех Ипостасей-то нет. Но для меня это все выглядело сушей ересью⁴, особенно учитывая знакомство с мистическими практиками Вайненди.

Часть 2. Общежития, учеба и прочее

После, возможно, слишком богословской предыдущей части, можно немного поговорить и о бытовой стороне моей жизни в Оксфорде, да и про учебу упомянуть. Первый семестр и самое начало второго я жил – по своей великой экономности (если не сказать – жмотству) – в маленькой комнатухе без окна на нулевом этаже рядом с кухней в одной многолюдной общаге на Banbury Road, минутах в 35–40 быстрым пёхом до

⁴ Тогдашние «непонятки» с Вайненди подвигли меня позднее углубиться в эту тематику. См. подробнее в *Г. Беневиц. Св. Евлогий Александрийский, прп. Максим Исповедник, свт. Софроний Иерусалимский. Полемика с тритеизмом. Антология восточно-христианской богословской мысли. Т.2. СПб., 2009. С. 71–88* (<https://predanie.ru/book/139659-antologiya-vostochnohristianskoy-bogoslovskoy-mysli-2/#/toc10>).

главных зданий университета и библиотеки (Bodleian Lybrary), которая и была моим основным местом здесь-бытия.

Общага была веселая – тон в ней задавали латиноамериканцы. Они постоянно находились в некоем возбуждении. Потом на каком-то общем застолье я попробовал, точнее, пригубил, их пищу, и подумал, что причина их постоянной активности – помимо природного темперамента – необыкновенно острая еда, которую они потребляли в немалых количествах (я ее есть даже голодным не мог). Ну, так вот, они постоянно гонялись друг за другом, находились в каких-то путаных личных отношениях. Одним словом, были по своему поведению веселыми и безобидными, но уж очень шумными детьми. А поскольку комната моя находилась рядом с кухней, то я эту беготню, хохот и веселую возню их постоянно слышал. Это было, конечно, для меня дополнительным поводом не засиживаться дома, а спешить поскорее в библиотеку и по другим делам.

На занятия – лекции и семинары – я ходил мало. Во-первых, не так уж много было интересных мне тем. Во-вторых, со слуха я далеко не так легко понимал весьма сложный зачастую в интеллектуальном отношении оксфордский английский. Так, на лекции Суинберна – своего куратора – я поначалу ходил прилежно, неудобно было манкировать, но уж больно заковыристые интеллектуальные конструкции он сооружал. Да и сам этот способ мышления – с такой степенью рассудочности – мне был не мил. Хотя в Британии и вообще в англосаксонском мире, как я понимаю, развитие именно этих способностей почитается особенно важным. Не случайно, как с гордостью сказал мне тот же Суинберн, хотя выпускники теологического факультета Оксфорда потом редко работают по специальности, они очень высоко ценятся на рынке труда. Люди с таким развитым интеллектом прекрасно работают в банках и в бизнесе, и их охотно берут в лучшие коммерческие фирмы. Я же от лекций такого рода постепенно начал косить.

Обалдел я, конечно, сразу от оксфордских библиотек. И тут на меня буквально напала книжная лихорадка – т.е. все это хотелось если не прочесть, то как-то отксерить, увести, сохранить... Только то, что ксерокс был не бесплатным, удержало меня от полного безумия в этом плане. Забегая вперед скажу, что почти ничего от отксеренного мне не пригодилось – другой контекст жизни в России по-другому расставил и приоритеты; то, что казалось таким интересным в Оксфорде, в России как-то не особо захватывало.

В целом же чтение мое в библиотеках (помимо того, что я читал по заданию тьюторов) было бессистемным и лихорадочным, потому что собственной темы исследований и ярко обозначенного интереса у меня еще не было. Из позитивного (послужившего мне в дальнейшем) оксфордского чтения упомяну, прежде всего, монографии о Максиме Исповеднике – Ларса Тунберга и Пола Блоуверса. Я и взял-то с собой в Оксфорд из всех книг, помимо Библии и молитвослова, лишь двухтомник Максима в переводе А.И. Сидорова. Максим уже один раз спас меня в Питере во время одного страшного искушения⁵. И к этому времени он все больше становился для меня важнейшим чтением.

Но вернемся к общаге. В отличие от безобидных, разве что слишком шумных, латиноамериканцев и других симпатичных насельников общаги, был там один квартирант, на которого я просто не мог смотреть. Весь его вид и поведение были мне невыносимы, хотя он ничего такого плохого не делал. С этой эмоцией, страстью нужно было что-то делать. Так получился у меня двенадцатистрофник «Общежитие», начинающийся строчкой «Немец кушает морковку...». Не буду его здесь приводить, благо в «Волге» он уже был в 2022 г. в № 3-4 опубликован⁶.

Это стихотворение стало первым из посвященных ставшей сквозной для меня теме – отношения к «другим», теме, пришедшей ко мне из философии Левинаса, но разворачиваемой мною по-своему, в контексте (хочется надеяться) православной традиции. Австрийца же этого, которого я прежде физически не мог видеть, т.е. на него смотреть, так

⁵ См. в предыдущих мемуарах: «Волга», № 1-2, 2026 г.

⁶ См. <https://magazines.gorky.media/volga/2022/3/drugie-4.html>

было это невыносимо, после этого стихотворения я встречал уже каждый раз с радостью (честно). Поэзия оказалась, так сказать, духовной практикой, фиксирующей страсть, противостоящей ей и исцеляющей от нее (на это понадобилось целых 12 стрóf).

Между тем, пройдя этот квест – жизни в паршивой комнатке в не очень-то хорошей, и при этом дорогой, общаге, я получил возможность переселиться в общежитие, лучше сказать, гостевой дом, совсем другого класса, где как раз освободилась хорошая комната на втором – в их системе первом – этаже. Это был знаменитый The House of St Gregory & St Macrina (Дом св. Григория и св. Макрины), основанный в 1959 г. еще Николаем Зерновым, преподававшим тогда восточно-православные исследования в Оксфордском университете. Дом был задуман Зерновым как экуменический центр христиан Востока и Запада с целью содействия более глубокому взаимопониманию между этими двумя традициями. Он же, вместе с женой Милицей Зерновой, был до этого, еще в 1928 г., основателем Общества мученика Албана и преп. Сергия Радонежского (Fellowship of Saint Alban and Saint Sergius) (их икона до сих пор на почетном месте у меня).

В доме св. Григория Нисского и его старшей сестры и героини его диалога с ней, св. Макрины, жило обычно 18 гостей, и попасть в их число было не так просто. Я же оказался там так. Анн Шукман (славистка, семиотик и видный деятель англиканской церкви), хорошая знакомая моей начальницы, ректора ВРФШ, Н. Печерской (далее Н.П.), работавшая в Оксфорде, порекомендовала меня знаменитому Дональду Алчину (Donald Allchin), англиканскому священнику и богослову, директору Центра св. Феосевии (диаконисса, еще один член каппадокийского «кружка») (St Theosevia Centre for Christian Spirituality in Oxford), я имел с ним собеседование, и после этого он порекомендовал меня хозяевам дома Григория и Макрины. Дональда Алчина особенно расположило ко мне то, что я – это было сущей правдой – на досуге занимался переводами английских поэтов-метафизиков (в то время – особенно Джорджа Херберта, том которого я купил в Оксфорде у букиниста)⁷. А он как раз был одним из специалистов по их поэзии, и вообще в англиканской *spirituality* (духовности) делал большой акцент на поэзии. Так что нам было о чем поговорить. Он, кстати, посоветовал мне послать свои переводы Николаю Лосскому, который этой темой тоже занимался (диссер написал), что я и сделал (Лосский, между прочим, указал мне на одну ошибку в понимании оригинала, за что ему особая благодарность).

Как бы то ни было, после всех этих переговоров я переместился из первой, бывшей для меня тяжелым испытанием, общаги в прекрасный гостевой дом, где я за практически те же деньги мог жить-поживать в отличной комнате, совсем недалеко от Университета. На отоплении в этом новом доме не экономили, общество было приятное. Никаких шумных соседей не было, а во дворе – ровно между домами Григория и Макрины – находилась православная церковь (греческая, Вселенского патриархата – Св. Троицы и, одновременно, в Сурожской епархии митрополита Антония (Блума) – Благовещения), в которой я и прежде уже стал регулярным прихожанином, а теперь и вовсе, что называется, сам Бог велел бывать там как можно чаще. В соседнем доме – св. Макрины – в это время жил делавший тогда докторскую молодой иеромонах Иларион (Алфеев) (пару слов ниже скажу и о нем). Владыка Каллист (Уэр), богослужения которого я уже не раз посещал, равно как и некоторые его лекции, согласился стать на следующий семестр моим тьютором вместо харизмата-капуцина Вайненди. Жизнь налаживалась и становилась более интересной...

Часть 3. Люди и встречи

В Оксфорде у меня было несколько замечательных знакомств и встреч. Я вообще-то не слишком коммуникабельный, так что сам без особой нужды с известными людьми (а в Оксфорде их, понятное дело, много) знакомиться не стремился. Но с некоторыми из них

⁷ Кажется, они были в 1984 г. опубликованы в самиздатском журнале переводов «Предлог».

меня свели обстоятельства, и об этих людях и общении с ними я хотел бы хотя бы кратко рассказать. Будучи эгоцентриком, я, конечно, не особо умел разглядеть другого человека, и что-то важное мог легко упустить или неправильно понять. Но расскажу как есть – о своих тогдашних впечатлениях, с некоторой перспективой на то, что я узнал или понял о том или ином человеке позднее.

За. Ричард Суинберн

Первым в ряду этих замечательных людей, конечно, следует упомянуть моего непосредственного куратора, на тот момент декана теологического факультета, Ричарда Суинберна (Richard Swinburne).

Я уже упоминал в предыдущей части мемуаров⁸, что человеком он был с весьма интересной судьбой, в которой, в молодости, было факультативное изучение русского языка. В нем он настолько преуспел, что во время Холодной войны, когда служил в армии, сидел на перехвате переговоров советских военных (кажется, он служил в Германии, может быть в Западном Берлине или где-то ближе к границе с Восточной). Факт тот, что позднее, когда он стал одним из главных лиц в программе привнесения в Россию христианской философии (как он ее понимал), он все пытался сам делать доклады на русском. Не знаю, как сейчас (а Суинберн, несмотря на очень преклонный возраст, еще жив и продолжает активничать, надеюсь, дистанционно, в России), но тогда с этим были большие проблемы, т.е. русский его был не особо вразумителен. Впрочем, я полагаю, что и мой английский, когда я пытался сказать нечто более или менее сложносочиненное, был не многим лучше.

Как человек Суинберн вызывал у меня несомненное уважение. Он был не только благороден и сдержан, но и достаточно открыт. Снобизма с его стороны я никакого не заметил. Но определенная твердость в нем как декане и моем кураторе, несомненно, была. Так, в частности, когда я попросил его уделить из имевшихся в его распоряжении средств мне деньги на поездку домой на Рождество (это была не прихоть, мне было необходимо повидать почти не подававшую сигналов жену), то Суинберн не поддался на мои упрасивания. Я совершенно не в обиде за это на него, ибо сделал он это тактично и аргументированно – каждый должен нести бремя своих страстей сам. Волнуешься за жену и детей – раскошешься и слетай к ним. Это не было сказано так жестко, но смысл был именно такой. Что ж, я последовал его совету: на Новый год и Рождество съездил ненадолго домой. Увы, ничем не помог, ничего не понял. Но хоть как-то свои волнения успокоил.

Но речь сейчас не обо мне, а о Суинберне. Я не стану даже и пытаться охарактеризовать его как философа – для этого нужно было бы хотя как-то его философию изучить. Мне же она представилась сразу как нечто достаточно чуждое по самому стилю его мысли, опирающейся в разговоре о Боге исключительно на свой разум, мысливший к тому же в каких-то юридических категориях (традиция Ансельма?). Будучи тогда православным неопитом, я был уверен, что так – без опоры на Предание и святых отцов (как говаривали у нас, «от ветра главы своея») – богословствовать нельзя. Каково же было мое удивление, когда, приехав в Оксфорд в 1997 г. на конференцию по преп. Максиму, я узнал, что Суинберн перешел из англиканства (конечно, он был «*high anglican*», «высокоцерковный англиканин») в православие, а владыка Калист (Уэр) был его, так сказать, крестным отцом. При этом, как я заметил на конференции христианских философов в 1997 г., что проходила в Питере (о ней еще будет случай поговорить), стиль мышления Суинберна абсолютно не изменился.

Помню, что еще в мой первый визит в Оксфорд он говорил мне, что англиканство отходит от христианской традиции, собираясь ввести женское священство. Чувствовалось, что его это больше всего удручало. Что до самой его роли, как он ее понимал – мы свободно обсуждали с ним это, – то он считал себя одним из чуть ли не последних апологетов

⁸ См.: «Волга», № 1-2, 2026 г.

христианской веры. Я его спрашивал, не стесняясь – зачем все это, то, что он пишет. На что он отвечал, что в британском обществе, особенно среди профессуры, так много атеистов, что необходимо кому-то отстаивать с помощью рациональных аргументов такие простые вещи, как веру, доказывать бытие Божие и т.д. Мне же, приехавшему из страны, где атеизм обанкротился как бы сам собою (что называется, на практике), казалось спорить с атеизмом – делом бессмысленным. Сейчас я смотрю на все эти вещи иначе (и серьезный атеизм – не бессмысленен, и диалог с ним нужен). Но речь не обо мне.

Суинберн приглашал меня и на заседания своего философского кружка (кроме него там были, надо полагать, его единомышленники и докторанты), где у камина с бокалом вина велись утонченные интеллектуальные разговоры о Боге. Такой идиосинкразии, как радения Вайненди, эти заседания у меня не вызывали, но и не могу сказать, чтоб они меня сильно привлекли. Несмотря на камин, в помещениях Оксфордских колледжей всегда стоял жуткий дубак, для самих англичан привычный, а для меня (приехавшего из нищей страны, где никогда не экономят на отоплении) совсем не комфортный. А засушенные интеллектуальные разговоры о Боге ко всей этой атмосфере тепла не добавляли. Так что я, пару раз приняв участие в таких заседаниях, далее ими манкировал. Впрочем, это, к его чести, никак не сказалось на моих отношениях со Суинберном. Он с уважением относился к тому факту, что мне интересно нечто иное, нежели то, чем занимается он. И когда под конец моего пребывания в Оксфорде встал вопрос о моем продолжении учебы в Университете, он, без всяких обид на отсутствие у меня интереса к его предмету и методу, готов был всячески поддерживать меня. Но вопрос этот отпал само собой по другой причине (о чем в свое время расскажу).

Как бы то ни было, о Суинберне у меня остались теплые воспоминания, и я с удовольствием позднее встречался с ним – и в Оксфорде в марте 1997 г, и в Питере в мае того же года. Когда же я узнал, что он перешел в православие – на самом деле скандал, если подумать: декан теологического факультета Оксфорда переходит в какое-то маргинальное для Британии православие! – я его еще больше зауважал, несмотря на то, что понимание православия у нас с ним, очевидно, мягко говоря, разное (например, он не считал для себя важным учитывать паламизм⁹, да и все православное богословие после 7 Вселенского собора). В любом случае поступок этот нетривиальный. И сам Суинберн, я полагаю, где-то, в определенном смысле, человек героический – какой-то исчезающий тип, последний из могикан.

3b. Владыка Каллист (Уэр)

Есть множество людей, которые знали вл. Каллиста много дольше и лучше, чем я. Поэтому писать о нем, ни как о лекторе, ни как о церковном писателе, ни как о епископе и пастыре я не буду. Не стану я судить и о его вкладе в патристику, равно как и о нем в качестве популяризатора православия. Я знал его главным образом как тьютора в течение одного учебного семестра в Оксфорде. И в этом качестве он был тем, кто мне был нужен на тот момент моей жизни. За один семестр мы прошли интенсивный курс патристики от Апостольских отцов и Мученических актов до V века. Кажется, мы дошли до Иоанна Кассиана. По крайней мере, я помню, что писал эссе, доказывая, что христология последнего никак не криптонесторианская (как считалось на Западе), а вполне православная.

Наши занятия были полезны для меня. Нельзя сказать, чтобы он чему-то меня учил, даже как-то меня особенно поправлял. Само его присутствие заставляло меня формулировать свои мысли, выстраивать свою аргументацию как можно более ясно и убедительно. Должно быть *clear* (ясно), никаких темнот и «гениальничанья», к которому я привык в той среде, в которой вырос в Питере – и во «второй культуре», и в среде

⁹ Учение Григория Паламы и исихастов в целом.

философов ВРФШ. В присутствии владыки Каллиста всего этого допускать было нельзя. Может, такая аскеза мысли и подрезает ей крылья (не все ведь, тем паче в вещах запредельных можно со всею ясностью разъяснить), но это очень важная и хорошая дисциплина, пройти которую мне было на тот момент необходимо. Я уж не говорю о том, что и этот самый пропедевтический курс патристики, но не школярски (описательно), а заостряя каждый раз какую-то проблему, тоже совсем не лишне было пройти, прежде чем дерзать хоть что-то понять аж в Максиме Исповеднике!

Итак, я приходил раз в неделю к владыке домой (занятия проходили у него дома, в заваленном книгами рабочем кабинете), читал ему свое эссе. Он иногда немного подремывал в своем удобном высоком кресле, но на самом деле достаточно внимательно слушал и живо реагировал на заинтересовавшие его места. Это было довольно часто, и создавалось ощущение (или мне это только казалось?), что ему было заниматься со мной интересно. Когда пришло время уезжать, убедившись, что шансов продолжить учебу в Оксфорде у меня нету, и не получив после этих 9 месяцев, проведенных там, никакой бумажки, никакого диплома, я попросил владыку написать мне хотя бы какую-то рекомендацию-характеристику – вдруг пригодится. И он с удовольствием тут же такую рекомендацию, весьма краткую, но слишком лестную для меня, написал – на осьмушке хорошей бумаги. Увы, она потерялась, но я помню, что там было написано, что я *very smart*. Это вызвало много хохота у моих домашних, особенно у сыновей: папа съездил в Оксфорд и привез оттуда справку, что он очень умный. Я-то прекрасно знал по-настоящему умных людей, поэтому на этот счет не особо обольщался. Но бумажка такая мной получена была. Впрочем, она никогда мне не пригодилась, а потом и вовсе потерялась.

Когда, уже по моем возвращении из Оксфорда, владыка Каллист приехал с группой паломников в Питер и отправился на Коневец, я, будучи чем-то занят, попросил вместо себя сопровождать его Олю. И он сделал нечто полезное – сказал и ей, что у меня мозги пригодные для того дела, каким я занимался с ним в Оксфорде. Так что мне нужно продолжать, а ей (получается) как-то в этом мне способствовать. Вот такой у нас вышел – без всякой с моей стороны просьбы – заговор.

Зс. Иеромонах Иларион (Алфеев)

Приехав в Оксфорд, я вскоре узнал, что здесь находится иеромонах из России, который занимается патристикой. Не помню, слышал ли я о нем в России, может быть и нет. В любом случае, мне захотелось с ним познакомиться, и как-то эта встреча устроилась. Не помню теперь уже, как и где именно. Когда я пришел, там был не только о. Иларион, но и, как я потом узнал, внучатый племянник архимандрита Софрония (Сахарова), диакон Николай Сахаров. Он тогда учился по бакалаврской программе на теологическом факультете Оксфордского университета, монашеский постриг еще не принял, хотя уже состоял в братии монастыря в Эссексе, основанного о. Софронием. Надо сказать, что они оба (особенно о. Иларион, Николай был помягче) встретили меня прохладно и несколько настороженно. Это и вообще характерно для русских людей за границей – относиться друг к другу настороженно, с некоторым подозрением, а тут были, как я потом понял, и более веские причины.

Мое имя о. Иларион уже знал, и не с лучшей стороны. Дело в том, что в Вестнике РСХД, № 161, 1991 г. была опубликована моя совершенно хулиганская с точки зрения любого патролога, да и просто культурного церковного человека, маленькая, всего 6 страниц, статья: «Экономика в православном понимании, согласно св. Симеону Новому Богослову». Даже не буду объяснять, чем была плоха эта статья. Никита Струве не должен был ее принимать, а я пытаюсь опубликовать. Но в любом случае о. Иларион, сам занимавшийся, причем серьезно, в это время св. Симеоном (именно по нему он завершил работу в Оксфорде) не мог быть не шокирован этой моей совершенно дилетантской статьей.

Так что с таким бэкграундом, оказавшись в Оксфорде, я для него выглядел, скорее всего, как некий самозванец. В самом деле, ну какие занятия патристикой без знания классических языков, без хотя бы элементарного представления о текстологии, критических изданиях, об истории перевода на русский того же св. Симеона. Не говоря уже о полном отсутствии у меня церковного образования. Ничего из этого нет и в помине в моей статье. Вместо этого, какая-то необязательная, с претензией на умничанье, болтовня... Так очевидно выглядела в глазах о. Илариона моя единственная работа, которую он знал, и которая несомненно возмутила его. И вот, ее автор, получивший какими-то правдами-неправдами грант на пребывание в Оксфорде, перед ним – собственной персоной.

Надо отдать ему еще должное – он был достаточно сдержан и, не особо распространяясь, просто сказал, что статья ему не понравилась. Ну, а я не стал спорить. Но и разговора особенного у нас не вышло. Просто он кратко рассказал, чем он тут занимается, и что читает Исаака Сирина с Себастианом Брокком по-сирийски.

Все это произошло еще в первом семестре, когда я и без того чувствовал себя в Оксфорде не в своей тарелке – имел множество поводов стыдиться своей необразованности. А еще постоянное волнение о доме... По сравнению с о. Иларионом, как будто уже стяжавшим бесстрашие – так он был сдержан и спокоен, так одновременно целеустремлен и успешен, я лишний раз почувствовал свое безобразие и никчемность. Ну, как же – приехал в Оксфорд абсолютно не готовый к серьезной учебе, оставил больную жену с тремя детьми... И сам ничего не достигнешь, и их в таком состоянии и положении оставил... Да еще этот первый тьютор-харизматик Вайнэнди, занятия с которым только выматывали меня. Вот какие мысли в то время меня одолевали, и встреча с о. Иларионом лишь подлила масла в огонь моих внутренних терзаний.

Потом все понемногу улеглось, смысл моего пребывания в Оксфорде, не без помощи владыки Каллиста, как-то постепенно обрелся. Ну да, я не могу заниматься патристикой по-настоящему, как ученый. Но я могу делать то, что могу и должен делать на своем месте – с тем объемом знаний и способностей, какие у меня есть.

Как бы то ни было, говорить нам с о. Иларионом было особо не о чем, и мы долго, живя недалеко друг от друга, не встречались. Ну, разве что я видел его в церкви, во время службы. Но я стоял среди мирян, а он был среди священников. Но все же мы, конечно, приветствовали друг друга при встрече, да и в целом после моего переезда в дом свв. Григория и Макрины, что соответствовало по оксфордским стандартам некоему повышению статуса, он как-то стал, что ли, приветливее ко мне. А может, мне это показалось. В любом случае скажу, что наличие такого целеустремленного и собранного соседа было своего рода стимулом для меня. Сам же о. Иларион вызывал несомненное уважение. Несколько удивляла разве что некая незримая стена, возникавшая между ним и тобой, когда доводилось с ним мельком общаться. Но я относил это к его особому монашескому устроению.

Было и еще у меня несколько встреч с о. Иларионом, но уже ближе к моему отъезду. Под конец же он на прощанье даже позвал меня выпить вместе пива на лужайке около дома св. Макрины, где он жил. Я к тому времени уже осмелел настолько, что дал ему почитать несколько своих стихотворений, и под пиво он даже выразил свое одобрение. Я же лишний раз засвидетельствовал почтение его учености. На этой позитивной ноте мы и расстались.

В следующий раз мы встретились с ним случайно в Москве недалеко от известного книжного магазина на Лубянке. Это было вскоре после Оксфорда (в тот же год осенью?). Помню, что он был совершенно другим, я даже удивился, – каким-то несчастным и потеряннным. Как я понял с его слов, никому в России его ученость нужна не была, работы он толком найти не мог... Ну, а потом его взял под свое крыло м. Кирилл (Гундяев), а дальнейшее всем известно.

Лишь один раз мы случайно встретились с ним в СПбДА (это было где-то в начале нулевых). Я там был в библиотеке, а когда выходил из нее и шел по коридору, увидел, что в актовом зале закончилось какое-то совещание, которое он то ли проводил, то ли в нем

участвовал. Я было по старой памяти подошел к нему. Он не сделал вид, что меня не знает, но отреагировал отстраненно и сухо – не столько отвечая мне, сколько обращаясь к окружающим его, помянув, конечно Оксфорд. Меня же неприятно поразило даже не это, но само его окружение.

Тем не менее, завершая этот краткий рассказ о встречах с о. Иларионом, я хотел бы сказать, что то первое впечатление глубоко сидит в моей памяти. Наверное, я очень наивен, но втайне надеюсь, что, пройдя сейчас то, что ему выпало – хуже ведь было бы, если б все осталось как есть, – он вернется к чему-то в себе изначальному, тому, ради чего он и посвятил себя Христу. По крайней мере, я искренне желаю ему этого.

3d. Анн Шукман

Анн Шукман (Ann Shukman) – хорошая знакомая не моя, а Н. Печерской. Я с Анн встречался и был впечатлен ее энергией и харизмой всего несколько раз в Оксфорде, но она сыграла важную роль в жизни и моей, и ВРФШ. Надеюсь, что рано или поздно Н.П. напишет свои мемуары, а я упомяну о том, что знаю (отчасти от той же Н.П.) и что касалось меня.

Анн Шукман – известный в Британии славист и семиотик. Многих серьезных в этой сфере ученых в России знала, со многими дружила, многим помогала. Всячески способствовала распространению лучшего из российской гуманитарной науки на Западе. Например, она перевела в 1986 г. известную статью В.М. Живова 1982 г. о Максиме Исповеднике (в ее переводе: “The Mystagogia of Maximus the Confessor and the Development of the Byzantine Theory of the Image”) (кстати, наряду с работами А.И. Сидорова и даже раньше их – один из важных текстов, некогда пробудивший во мне, и не только во мне, интерес к Максиму). Дружила она и с С.С. Аверинцевым. Так что, когда в 1992 вышел первый том Трудов ВРФШ, то она устроила так, что он попал в руки к нему. Я тогда был главным редактором ВРФШ и числился редактором-составителем Трудов; в этом качестве меня отправили в командировку в Москву – вручить Труды Аверинцеву лично в руки. Так я первый и последний раз повстречался с ним. На лекциях его, некогда очень модных, я, конечно, побывал (но там атмосфера была специфическая), лично же познакомился впервые. Ну, никакого особого общения у нас не было – он же еще Труды не читал. Но потом, как я узнал, он очень хорошо о них отзывался и писал Н.П., что это огромное начинание для России.

Анн, по словам Н.П., высоко оценила работы А. Чернякова и помогла ему выйти на философов-коллег на Западе. В целом она поддерживала, как могла, Н.П. и ВРФШ, и ее преподавателей. Как она помогла мне переместиться из первой оксфордской общаги в приличное место, я уже упоминал. Позднее, когда я написал книгу о материи Марии (Скобцовой), и долгое время не было средств на ее издание, Анн Шукман, из своего кармана оплатила издание книги, которая ей сильно понравилась (это было уже в 2003 г.). Так что я не мог не упомянуть ее в своих мемуарах.

Но самое главное, ради чего я хотел о ней рассказать, не это. В идейной борьбе британских интеллектуалов-христиан Анн находилась в противоположном лагере по отношению к Ричарду Суинберну (что не мешало Н.П., да и мне общаться и с нею, и с ним). Если Суинберн не в последнюю очередь из-за появления в англиканской церкви женского священства перешел в православие, то Анн была в первых рядах борцов за женское священство и сама получила рукоположение из первых, в 1994 г. (т.е. когда мы с ней встречались в Оксфорде, она уже была в сане; помню, для меня в общении с ней это вызвало некоторую сложность – непонятно, как к ней обращаться). Долго она, впрочем, в этом статусе не задержалась – убедилась, что это не для нее. О дальнейшей ее жизни я доподлинно ничего не знаю, но Н.П. сообщила, что виделась с ней на конференции по

Мандельштаму, которую Анн и Библиотека иностранной литературы в Москве (с Екатериной Гениевой во главе) проводили в Шотландии¹⁰.

3е. Члены Оксфордского прихода

Особо близких отношений почти ни с кем из членов Оксфордского православного прихода у меня не сложилось. Из клира мне был симпатичнее всего владыка Василий (Осборн) (Basil Osborne). Первый раз я увидел, так сказать, епископа МП с человеческим лицом (как показало будущее, не выдержавшего это сочетание епископа и человека¹¹). Более откровенные разговоры у нас с ним были позднее, когда я приезжал на конференцию в 1997 г., а он потом приезжал в Питер на курсы русского языка в СПбДА. Но это отдельная история. Факт тот, что он духовно поддержал и ободрил меня в трудный период моей жизни в Оксфорде. Впервые по-английски я исповедовался ему.

Из старшего поколения, первой эмиграции, точнее их детей, меня (впрочем, не только меня) душевно, а иногда и чем-нибудь вкусным утешала замечательная Ирина Павловна Живкович, дочь религиозного философа Павла Фидлера. Ее жизнь сложилась трагически (не буду вдаваться в детали), но она, вместо того чтоб заикнуться на своей беде, открывала свое сердце православным студентам, приехавшим в Оксфорд, которые часто нуждались в поддержке. С Ириной Павловной мы очень подружились. Во время конференции по Максиму 1997 г. я останавливался у нее, а она, когда решилась на путешествие в Россию, останавливалась у нас с Олей, я ее, между прочим, познакомил в нашем (тогда уже странствовавшем) приходе за трапезой с Екатериной Ильиничной Вошининой (урожденная княжна Путятина), и они быстро нашли общий язык и душевно пообщались. Когда в 1997 г. в Питере состоялась конференция христианских философов, я эпиграфом для своего доклада взял цитату из сочинения отца Ирины Павловны, Павла Фидлера, прочитанного, когда я гостил у нее в Оксфорде.

Был там, в приходе еще один милый человек, Н. – тоже потомок первых эмигрантов, но моложе, чем Ирина Павловна. Он был несколько нестандартным членом прихода, так как на тот момент оказался безработным и немного выпивал. Но при этом он сохранял удивительное для его положения достоинство, имел добрую душу и открытое сердце, и мы с ним – вполне по-русски – много говорили о судьбе России и подобного рода вещах. Так что нашелся у меня в Оксфорде и товарищ по интеллигентским разговорам, которыми, впрочем, ни я, ни он не злоупотребляли. В ответственный момент я взял его «на дело», о чем еще расскажу, и он не подкачал. На прощанье же он решил шикануть и сводил меня, как я ни отнекивался, в китайский ресторан!

Из греков меня (ближе к концу моей стажировки) взялся опекать спец по византийской музыке и организатор паломничеств и всяческих православных мероприятий, австралийский грек, переселившийся в Британию, Д.К. Как потом выяснилось, он был видным деятелем «Синдесмоса», Всемирного братства православной молодежи (чуть ли не его председателем), и, возможно, с самого начала имел на меня виды в плане привлечения к его деятельности по моем возвращении в Питер. Как бы то ни было, именно Д.К., узнав о моем горячем желании посетить монастырь о. Софония в Эссексе, взял меня туда, когда сам с семьей навещал монастырь на Пасху, что позволило мне там некоторое время пожить (об этом расскажу отдельно). Наши взаимовыгодные (нет, ну, не только, но и просто добрые человеческие) отношения продлились потом еще некоторое время. Они несколько

¹⁰ От нее же, уже сейчас, я узнал, что Анн была племянницей знаменитого византолога и медиевиста сэра Стивена Рансимана, от которого ей по наследству достался замок XV века (национальное достояние). Из последних, известных Н.П. ее научных работ – перевод на английский «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», вышедший под редакцией владыки Каллиста (Уэра) (2019 г.). Вот такой человек английской христианской культуры. В 2024 г., т.е. совсем недавно, она выпустила книгу о своем деде, лорде Вальтере Рансимане и его безуспешной попытке по заданию Чемберлена в 1938 г. предотвратить аннексию Судет и вторжение Гитлера в Чехословакию (т.н. миссия Рансимана). Ничего себе семейка!

¹¹ См. подробнее о нем в Википедии.

омрачились позднее экклесиологическими расхождениями, но об этом тоже рассказывать еще рано. В любом случае, Д.К. и его милая семья – первая и последняя греческая, в которой я побывал в гостях в своей жизни, были добры ко мне в Оксфорде, и, приехав однажды в Питер (организовывать очередное паломничество), Д.К. остановился у нас с Олей в конце 90-х. Боюсь, наше убогое жилище – далеко не самое худшее из того, что бывает в Питере – несколько шокировало его (особенно выбежавший невесть откуда прусак; у нас внизу был детский сад с пищеблоком, и от тараканов не было спасения), но виду он не подал. Сам он в Оксфорде жил в прекрасном доме, которым искренне и немного по-детски гордился. А еще он подарил мне на прощанье в Оксфорде Септуагинту. Ну, в общем, Д.К. – симпатичный человек и самый высокопоставленный во «вселенском православии», с которым мне довелось соприкоснуться. Он же был и единственной сохранившейся у меня на долгие годы связью (по электронной почте) с Оксфордом. Так что известия о выходивших у меня статьях и книгах я с благодарностью посылал своему тьютору, владыке Каллисту, через Д.К. Он с владыкой дружил и часто ездил вместе с ним в паломничества, привлекая других британских паломников на владыку как на лучшего «гида» – знатока православия и рассказчика.

В целом же оксфордский православный приход, при том что там служили замечательные епископы (Каллист (Уэр) и Василий (Осборн)), интеллигентные и просвещенные клирики, был отличный (особенно греческий) хор, не стал для меня за учебный год таким же родным, как приход на Каменном острове, который я по-прежнему считал лучшим местом на земле – хотите верьте, хотите нет. В Питере у нас была общая травма в прошлом (советские годы) и общая надежда как-то во Христе излечиться от нее. Все, за редким исключением, были неопитами – со своим наивным горением... А в Оксфорде – всё было трезвее, но и разобщеннее, индивидуалистичнее, как это и в целом характерно на Западе даже для православных (тем паче, что многие здесь были недолго). Но опыт пребывания в интернациональной православной среде (не только среди своих), был, конечно, полезен и интересен.

Часть 4. О жизни созерцательной

Ранняя весна 1995 г. была временем перехода, так сказать, к «созерцательности» в моем пребывании в Оксфорде. Позади были осень и зима с их борьбой со страстями, повывлезшими из меня по приезду. Но еще не произошли те бурные события, которыми был отмечен мой последний период жизни в Оксфорде (о чем речь впереди). Между тем и другим была ранняя весна. Вести из дома стали приходить более человеческие, и я почти спокойно мог предаваться чтению книг на ставшие для меня (с подачи владыки Каллиста) все более и более интересными темы. Не без оглядки на Россию и семью, конечно, о которых я никогда не забывал.

В один из таких моментов домой была послана «Открытка» – стишок не без толики горечи и самоиронии. Связаны они, я полагаю, были с некоторой искусственностью всей этой созерцательной передышки в моей жизни. Вот, я сижу в библиотеке, в зале рукописей, где и писать-то можно только карандашами, и то не чернильными, чтоб чего не попортить, сижу тут, читаю про совесть и обожение, имея к тому и к другому, если честно, слабое отношение. Но зато читаю умную книгу, диссертацию про все это, автор которой тоже пишет не о себе, не о своем опыте, а о жившем почти две тысячи лет назад Клименте Александрийском!

Чувствуется «ино-странность» в отношении всего, среди чего находится и о чем говорит лирический герой – совести, обожения, висящих на стенах портретов великих людей и епископов страны, в которой он оказался, расцветающей за окном весенней природы, этих цветочков, названий которых он толком не знает, ну и конечно, праздных и любопытных вездесущих японских туристов... Но начинается стихотворение с Дворжака – моего любимого, первого открывшего для меня музыку как таковую, композитора. Его

Девятая симфония «Из Нового света», – единственная пластинка классической музыки, хранившаяся в моем детстве-юности у нас дома. Это ее я тогда в Оксфорде сразу узнал. Но и она, эта моя любимая музыка, где-то за окном – в театре (Sheldonian Theatre), в который я не попаду (даже мысли потратиться на такое в голову не приходило).

Одним словом, в этом маленьком и простеньком стишке много чего о лирическом герое можно узнать... Главное же то, что в таком чтении, пусть даже самых замечательных и интересных книг на самые глубокие и важные темы, реальности того, о чем в них идет речь, приобщения к ней, не слишком-то много. Уж больно опосредованно это «созерцание» чужих созерцаний чужих созерцаний. Нестойкое и безобидное, легко стирающееся ластиком, как любой – нечернильный – карандаш.

Для сравнения можно вспомнить другое стихотворение (двенадцатистрофник), тоже написанное в библиотеке, но уже в конце весны, 17 мая 1995 г., «Водосвятие»¹². Здесь уже о чтении патристики написано не так отстраненно (ино-странно), как в стихотворении начала весны «Открытка», а как об умном делании, задействующем даже тело, то есть вовлекающем и увлекающем всецело. Понятие «умное делание», конечно употреблено не в узком исихастском смысле, но расширительно, имея в виду известное положение Паламы о вовлеченности тела в умную молитву.

Не стану подробно разбирать это стихотворение. Важно, что в нем отвергается самодостаточность как природы, так и культуры. И то, и другое, освобожденное от претензий на абсолютность, может и должно быть освящено и посвящено Богу (что символизирует опрыскивание святой водой).

«Нет ничего вне текста», –
Мыслить силится культура.
«Нет ничего вне леса», –
Отвечает леший хмурый.

Чур меня! На обе сказки
Ваши брызнуть бы водою,
Той, что в Церкви христианской
Называется святою

Так созерцаемые, природа и культура отражаются друг в друге в слове, что отчасти и происходит в стихотворении. В это время (как раз, когда писался этот текст) я читал в Бодлианской библиотеке монографию Пола Блоуверса о «Вопросоответах к Фалассию» преп. Максима, и как-то по-своему усвоил эту книгу.

Как бы то ни было, судя по «Водосвятию», сравнивая его с «Открыткой», какой-то путь в «жизни созерцательной» за весну 1995 г. я, видимо, проделал. На этом пути, однако, произошло несколько важных (взаимосвязанных) событий, нарушивших относительно мирное течение моей учебы. Пришло время рассказать и о них.

Часть 5. Кестонский институт и новый челлендж

В ту же весну, но ближе к Пасхе, то есть где-то к концу Великого поста, произошел ряд событий, внесших совершенно новую струю в мою размеренную созерцательную жизнь в Оксфорде. Но все по порядку. Началось все с неожиданной подработки. Уже не помню кто, но кажется кто-то из прихода, видя мою весьма экономную жизнь (будешь тут экономить, когда дома столько ртов!), предложил мне подработку, которая на проверку оказалось синекурой, да еще и довольно интересной. Речь шла о разборе архива Кестонского института. Кто не знает – это такой отчасти исследовательский, отчасти

¹² Оно было опубликовано в «Волге», № 3, 2013 г. <https://magazines.gorky.media/volga/2013/3/net-takoj-tochki-8230-i-dr-stihi.html>

правозащитный, а отчасти, не исключено, и разведывательный центр, занимавшийся изучением религии в СССР и вносящий посильный вклад в борьбу с коммунистической идеологией и советским режимом, поддерживавший диссидентов, особенно церковных и христианских, и занимавшийся мониторингом всяких (не существовавших, согласно официальным заявлениям) гонений на религию. Основан он был в 1969 г. каноником Майклом Бурдо и продолжал существовать под его же руководством и после развала СССР, изучая те же самые процессы и занимаясь примерно тем же на постсоветском пространстве, но прежде всего в РФ.

Я обо всем этом знал, но довольно смутно. К диссидентам относился с уважением, но сам им никогда не был (хотя одно время, в 1989 г., – я совсем забыл об этом рассказать! – у нас дома скрывался несколько дней от КГБ Ростислав Евдокимов, друг наших друзей). Из диссидентов-христиан я знал Владимира Пореша и Вячеслава Долинина и относился, конечно, к ним с уважением. Во Франции встречался с Зоей Световой... Так что определенное представление у меня о христианах диссидентах и правозащитниках было. Теперь же документы их деятельности мне предстояло в свободное время разбирать. Работа совсем не тяжелая и по-своему интересная, хотя в целом архив Кестона по этой части был довольно хаотичен. Следовало оставить наиболее ценное и как-то это упорядочить. Не помню уже, как долго я там так подрабатывал в свободное время, кажется, не так долго, пару недель или что-то в этом роде. Все было интересно и удобно – Кестонский институт находился в двух шагах от домов свв. Григория и Макрины, где я жил. К тому же я познакомился с несколькими симпатичными людьми – сотрудниками этого института, имена которых уже не помню. Ну, и кое-что (не золотые горы) заработал.

Несколько раз я недолго общался и с самим Майклом Бурдо. В отличие от рядовых сотрудников, он производил впечатление старого и матерого волка. Очень скоро он спросил меня, что я собираюсь делать дальше, т.е. не планирую ли я продолжить учебу в Оксфорде. Я ответил, что я, конечно, был бы не против, но у меня большая семья, и мне нужна хорошая стипендия, чтобы я мог здесь жить вместе с семьей на время учебы. Так-то меня Суинберн, как он сказал, готов был взять в магистратуру, а после в случае успешной защиты и в докторантуру. Майкл отнесся к этому позитивно, сказал, что готов в этом помочь, и было понятно, что он из тех людей, которые могут это сделать. Он даже вписал меня предварительно в какую стипендиальную программу, а я начал было, согласовав это с владыкой Каллистом, набрасывать проект магистерской работы под названием «Учение о любви к врагам в православной христианской традиции» (тема появилась, конечно, под влиянием книги «Старец Силуан», но и преп. Максима, у которого она тоже занимает важное место).

Но еще через некоторое время у нас с Майклом Бурдо вышел разговор, где он затронул политические темы. В частности, он заявил, что по его прогнозам (а шла Первая Чеченская война¹³) Россия скоро развалится на части ровно так же, как развалился СССР. Сказав это, он посмотрел на меня испытующе, как бы ожидая мою реакцию. Она – не помню уже, в чем именно это выразилось, была негативная. Т.е. я усомнился и в верности этого прогноза, и как-то выдал – выражением что ли лица, или какой-то фразой, что мне это совсем не нравится, т.е. такая перспектива. У него же его прогноз явно следовал (подумал я) из его *wishful thinking*¹⁴. Мою реакцию он – опытный «волк» – тоже понял. И больше разговоры о стипендии на продолжение учебы в Оксфорде у нас не возникали.

Но на этом приключения, связанные с Кестоном, не прекратились. В один прекрасный день, не помню уже через кого, но кажется это был кто-то из сотрудников того же института, мне поступило приглашение из одной местной еврейской организации, которая скромно называлась Oxford University L'Chaim Society. На словах было передано,

¹³ Помню, как все внутри переворачивалось, когда я видел тогда по английскому ТВ репортажи с места событий о разрушениях и гибели людей; впечатление многократно усиливалось контрастом с окружающей меня мирной и рафинированно-цивилизованной жизнью.

¹⁴ Когда выдают желаемое за действительное.

что они узнали, что я из России, что я еврейского происхождения, и что я православный христианин, и им бы хотелось, чтобы я выступил у них на тему «Антисемитизм в Русской Православной Церкви».

Я поинтересовался у сотрудников Кестона, что это за организация, куда меня приглашают? Они ответили, что она весьма уважаемая, вторая по численности студенческая организация в Оксфорде (более 5000 человек, не все из них евреи), что организовал ее талантливый раввин Shmuley Boteach (Шмулей Ботох?), которого с миссией в Оксфорд послал в 1989 г. сам Любавический реббе Менахем Мендель Шнеерсон (т.е. это те самые хасиды-хабадники, к которым я случайно – если в таких вещах бывают случайности – попал в гости перед самым своим крещением!¹⁵). Организация же, которую создал Shmuley Boteach, это самое «Общество Лехаим», совсем не заурядная еврейская студенческая организация. Достаточно заглянуть на их страничку в Википедии, чтобы в этом убедиться. Там одних премьер-министров и президентов выступало человек шесть, не говоря о всяких других выдающихся политических деятелях, ученых и т.д. Из России там до меня выступал, кажется, только Михаил Горбачев (впрочем, уже не будучи президентом, в 1993 г.). Но главным было для меня не это, а то, почему и кто и с какой темой меня позвал. Это был вызов (челлендж – английское слово, уже вошедшее в русский), и я не мог на него не отозваться.

Наконец, среди несколько оторванных от жизни академических занятий появилось нечто реально (чуть не сказал, кровно) меня затрагивающее. А найдя в Бодлианской библиотеке сочинения того самого рабби Шмулея Ботоха (бывшего, кстати, одним из ведущих раввинов США), от имени которого, собственно, и пришло приглашение, я понял, что имею дело с интеллектуалом, и вызов от этого стал еще интересней.

Часть 6. Поход в «Лехаим» и поездка в Лидс

К походу в «Лехаим» я отнесся серьезно. Не только потому, что тема эта была по всей моей предыстории и каким-то ключевым в ней моментам экзистенциально важной, но и потому, что дело происходило в Оксфорде, и требовался по возможности достойный интеллектуальный и культурный уровень. Так что я, прежде чем что-либо писать, для начала погрузился в релевантную литературу. Кое-что важное я нашел в самом Кестонском институте. Первый же факт мне и самому показался примечательным. В статье Vladimir Borzenko «Anti-Semitism and Orthodoxy in Russian today (a sociologist's view)»¹⁶, которая только готовилась к печати в журнале, издававшемся Кестонским институтом, *Religion, State and Society*, vol. 23 N 1, 1995, я прочел следующее: «Общий уровень антисемитизма в России ниже среднего по сравнению с развитыми европейскими странами». И далее: «Практически в каждой категории и практически по каждому вопросу среди православных подгрупп было меньше проявлений антисемитизма, чем среди атеистов. Не более 10 процентов всего населения России можно назвать антисемитами».

Если кто подумал, по этой цитате, что я в своем докладе антисемитизм в РПЦ пытался замазать или замолчать, то это не так, я старался осветить эту тему с разных сторон, и живописал и распространение антисемитских брошюр по храмам, и «Протоколов Сионских мудрецов», и прочей подобного рода литературы, и вместе с тем обратил внимание на то, что (парадоксальным образом) число людей еврейского происхождения, пришедших в последние годы (речь о начале 90-х) в РПЦ, весьма значительное. Одним словом, все факты были по возможности объективно в докладе представлены.

Но факты фактами, а главное было выработать к заданной мне теме правильное отношение. Тут ориентиром стали слова А.И. Солженицына из «Архипелага», которые я взял в качестве эпиграфа к своему выступлению: «Если бы все было так просто! Если бы злые люди где-то творили свои злодеяния, то потребовалось только отделить их от всех

¹⁵ См. об этом в мемуарах: «Звезда», № 4. 2026 г.

¹⁶ «Антисемитизм и православие в России сегодня (взгляд социолога)».

остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, проходит через сердце каждого человека. А кто же захочет разрушать частицу своего собственного сердца?»).

Ну вот, начав так рассказ об этой истории, я понял, что пересказывать здесь свой доклад я, пожалуй, не стану. Дам только ссылку на пространную статью, написанную позднее по-русски на основе этого доклада¹⁷. Здесь же я хотел бы упомянуть лишь несколько самых общих вещей. Во-первых, нужно сказать, как этот доклад писался. Каждый его кусок я отправлял в Принстон Аркадию Шуфрину (далее А.Ш.) через то, что тогда было аналогом нынешней электронной почты. Т.е. связь у нас была мгновенной. А.Ш. (из-за временного лага ему приходилось выходить на связь по ночам, к тому же из библиотеки, где только и был компьютер с такой связью) присланное критиковал, дополнял, что-то мы обсуждали, и получался конечный результат. То есть впервые за долгие годы мы опять тесно сотрудничали, что всегда для меня – большая радость. Тема и ситуация челленджа, зажегшая меня, увлекла и его (хотя за конечный текст, все же, отвечаю я один).

Кроме этого надо сказать, что готовясь к докладу, я впервые окунулся в то, что называется на Западе «Теологией после Аушвица» (или «Теологией после катастрофы»), и критически остановился на некоторых существенных ее богословских положениях, которые, исходя из святоотеческой традиции (на ней я старался стоять), никак не могут быть приняты (в частности, я довольно подробно разбираю релевантные документы Второго Ватикана и, с другой стороны, соответствующие работы Юргена Мольтманна, как образчик протестантской теологии). К тому же я на всю обсуждаемую проблематику предложил взглянуть в более широкой исторической перспективе, в которой учитывается не только Катастрофа и Аушвиц, но и трагедия русской истории XX в., то, что собирательно называется «ГУЛАГ», но на самом деле я начал с Русской революции. Именно в разговоре об этом мне была важна цитата из Солженицына, которую я вынес в эпиграф. Кто понял, тот понял. Наконец, я вступал в своем докладе в прямой спор с пригласившим меня рабби Шмулеем Ботохом, в частности, относительно того, что же является причиной антисемитизма. Пересказывать здесь все эти положения своего доклада я не буду.

Лучше расскажу о самом походе в «Лехаим». Предполагая, что будет «драчка», я заручился поддержкой двух свидетелей. Одним был мой товарищ из оксфордского православного прихода (я писал о нем выше), Н. – благородный и мужественный человек (с ним я тоже обсуждал доклад, и он помог мне с английским). Другим был симпатичный мне сотрудник Кестонского института, при котором, как я надеялся, до насилия все же не дойдет. В назначенное время мы явились в «Лехаим», вход в который был обустроен как настоящая крепость. Пройдя несколько бронированных дверей, мы попали внутрь. Сразу мой взгляд упал на фото Горбачева, который выступал тут до меня. Говорил, очевидно, нечто приятное лехаимцам, так как, судя по фото, ему устроили самый теплый прием.

А вот мне готовился, как я вскоре убедился, прием совсем иного рода. В своем вступительном слове рабби Шмулей уже перешел в наступление (собственно, этого я и ждал, и к этому готовился). Главный его тезис был прост: вот пришел человек, который предал веру отцов, стал членом церкви, всегда гнавшей и убивавшей евреев, пронизанной антисемитизмом. Мы, конечно, готовы послушать его, как он это попытается оправдать, но, до чего же доходят некоторые евреи! Возможно, я и несколько упрощаю его вступительное слово (за давностью лет я могу какие-то детали не помнить), но суть была примерно такова.

Как бы то ни было, Оксфорд есть Оксфорд, и слово мне дали, минут 7–10 я говорил беспрепятственно, а потом рабби Ш. начал меня останавливать, перебивать, нечто выкрикивать, выходить из себя... (Что именно его вывело из себя, я, честно говоря, уже не помню). Кто-то из других лехаимцев его поддерживал, но я, взывая к академическому этикету и к своим двум свидетелям, особенно к представителю Кестона, все же продолжал говорить. И если не до самого конца написанного доклада, то до самой главной его части

¹⁷ <https://www.academia.edu/125005424/>

дело довести смог. Атмосфера была предельно накаленной. И, если б не мои свидетели, вполне могло б дойти до рукоприкладства, не преувеличиваю. Но как бы то ни было, доклад в целом состоялся, а главное, был написан.

А.Ш. позднее послал его некоторым своим православным друзьям в США, и этот доклад в оригинале с чуть-чуть подправленным английским хотели опубликовать в одном православном издательстве, аффилированным с Бостонским монастырем. Его представители даже, когда приезжали в Питер по своим делам, нашли меня, и я немного с ними пообщался. В качестве условия публикации они поставили принадлежность к их юрисдикции (ну, или тем, кто в общении с ними). Не знаю, чем кончилось дело, т.е. напечатали они ее или нет, брошюру я живьем никогда в руках не держал, однако в Сети они ее разместили¹⁸.

Как бы то ни было, слух о моем выступлении, как и о содержании моего доклада, быстро распространился, и меня сразу пригласили на какую-то представительную конференцию по русской мысли в Лидсе. Ее устраивал Jonathan Sutton (Джонатан Саттон) (ныне маститый профессор, специалист по русской религиозной философии, где «еврейский вопрос» занимает важное место, почему Джонатан моим докладом, в частности, и заинтересовался, он тоже писал на эту тему). Заодно в Лидсе мне дали выступить перед студентами местного Университета (там я прочел две первые части своего выступления в «Лехаим» — никто не перебивал). На конференции же я познакомился не только с Джонатаном Саттоном, но и с несколькими интересными людьми, из которых самым выдающимся был Рован Вильямс (Rowan Williams), тогдашний епископ Монмутский, а в будущем Кентерберийский – первый среди равных епископов Британии, лорд и все такое. Но интересно в нем было для меня не это, а то, что он прекрасно знает русский (и еще 11 языков), начитан в русской литературе и (лучше меня) в русской религиозной философии, а кроме того, как говорят, сам я не читал, является хорошим религиозным поэтом. Одним словом, это был блестящий человек, с которым я счел для себя за честь немного пообщаться. Доклад его тоже, помнится, был интересен.

Но больше всего в Лидсе меня впечатлили квакеры. Вот бы с кем я хотел бы посидеть и помолчать. Особенно после всех этих бурных событий.

Часть 7. Завершение

Под занавес моего пребывания в Оксфорде и Британии в целом произошло еще несколько важных для меня событий. Во-первых, меня свозили в монастырь, основанный архим. Софронием (Сахаровым) в Эссексе, и я провел в нем дней 10 (это был первый православный монастырь, к жизни которого мне довелось хоть немного приобщиться). Там было несколько незабываемых встреч и бесед, и, в первую очередь, с ближайшим сотрудником о. Софония, архим. Симеоном, с которым я впервые познакомился во Франции. О духе этого монастыря и жизни в нем я ничего не буду писать – многие там были и написали об этом, а кто не был, тому не расскажешь, не объяснишь. Скажу лишь одно, что на протяжении всей жизни мне с тех пор время от времени снился – в последнее время снится все реже и реже – сон, что я после какого-то долгого и сложного пути прихожу в некий монастырь, и это именно монастырь о. Софония.

Помню, Ольга Берггольц рассказывает в своей мемуарной прозе о такого рода сквозном – повторяющемся всю жизнь – сне, как она подходит к храму в Угличе, рядом с которым она жила в детстве. У меня, как и у нее, этот сон обычно не особо-то со счастливым концом, но какую-то духовную тоску он, очевидно, отражает.

¹⁸https://www.lulu.com/shop/gregory-benevitch/the-jewish-question-in-the-russian-orthodox-church/paperback/product-22014504.html?srsId=AfmBOorRvznW878smGI dye8AkJt9EKnZ2g5KHtjeVcVLK0w_0ZnFPeNo&page=1&pageSize=4

Там же, в монастыре в Эссексе, я впервые услышал имя матери Марии (Скобцовой), что ее, сделанная под конец жизни, грандиозная (более 5 метров) вышивка «Житие царя Давида» хранится в монастыре. Тогда это имя для меня еще ничего не говорило (фильм с Касаткиной не смотрел или не запал в душу – слишком советский), но вскоре (уже вернувшись в Питер) я узнал о ней подробнее: прочел книгу о. Сергия Гаккеля, вышедшую в России в 1993 г. А мой последний приезд в монастырь в 1998 г., когда я уже начал изучать жизнь и творчество м. Марии, был специально приурочен к фотографированию этой вышивки, о которой я со временем написал отдельное эссе (может, и не во всем удачное).

С братьями и сестрами там у меня тоже были замечательные разговоры и встречи, о чем не буду распространяться, тем более что заряд, полученный тогда в монастыре и подпитанный вторым визитом в 1998 г., я в конечном счете потерял. Да и мой церковный опыт в России разошелся с некоторыми важными для архим. Софрония духовными установками, что было и остается для меня одной из незаживающих ран.

Запомнились в Эссексе мне многочисленные кролики на полях – бич монастырского урожая. Но в целом, хозяйство было вполне налаженное. Братья и сестры, зачастую с докторскими степенями (а некоторые и не с одной), прекрасно управлялись с полевыми работами.

Кроме этой поездки в монастырь, я поучаствовал в Британии еще и в ежегодном съезде мирян и духовенства Сурожской епархии. Не помню, как все это формально называлось и где происходило, но именно на этом мероприятии я впервые увидел митр. Антония (Блума). Что сказать... Все уже давно сказано, я и тут ничего не прибавлю. Кто бы мог тогда подумать, что это «православие с человеческим лицом» разгромит тот самый о. Иларион (Алфеев), с которым мы мирно тогда же, на этом съезде, прогуливались и беседовали, и он, помнится, еще поразил меня либеральностью своей ексхиологии (сильно либеральной, чем была даже тогда у меня)...

У о. Софрония (Сахарова) с м. Антонием (Блумом), кстати были, кто не знает, совсем не простые отношения... Но это все из области высшей математики, а я тогда не прошел и начальной школы церковной жизни, и мне до всего этого было как до Луны...

Как бы то ни было, время моего пребывания в Оксфорде подошло к концу. Осталось только попрощаться. Что я и сделал в одном стихотворении. Посвящается это стихотворение, двенадцатистрофник, моему другу, А.Ш., который все это время дистанционно, из Принстона, очень поддерживал меня, как более опытный, уже давно живший на Западе и варившийся в академической среде. Ну, а остальное понятно из стихотворения, в котором как раз и отражены (в игровом и несколько остраниченном виде) все три периода моей жизни в Оксфорде – и первый мучительный, и второй – созерцательный, и третий, о котором я писал в последних двух главках этих мемуаров. Стихотворение предварялось эпиграфом о заступничестве Богородицы перед Ее Сыном: «да избавит град сей и вся грады и страны христианские невредимы от всех навет вражих, и спасет души наши, яко милосерд» (тропарь, глас 4-й). А дальше, как бы упреждая возможность будущей тоски по Оксфорду, я прибегаю к довольно неожиданным для меня (далекого от спорта), но оправданным английской почвой спортивным ассоциациям.

Владимирская

А.Ш.

После буду ли я плакать
По тебе, мой бедный Оксфорд,
Бывший местом моей краткой
Встречи с родиною бокса

И других спортивных игр:

Лаун тенниса,.. футбола –
Встречи с родиною мира
Игрового,
островного?

...

Буду вспоминать, наверно,
Как я начинал работу,
Будучи прижат к барьеру,
Уходя от апперкота,

Как, не удержав дыханье,
Чуть не получил нокаут,
Проиграв соревнованье,
Если бы не спас тайм аут,

Гонг и правильное слово
Тренера и секунданта,
Что для ада игрового
Дан нам как Вергилий — Данту.

...

Буду вспоминать как в сете
Следующем их подачи
Стал я принимать, в просвете
Видя как летает мячик,

Как по игровой лужайке,
Что они стригут веками,
Ударяется он, дальше
Чтобы быть отбитым нами

С той же грацией, с которой
Подаются из-за сетки
Нам мячи, но очень скоро
Мне наскучили ракетки.

...

Вспомню я и то, как... Впрочем,
Этого я не забуду,
Как, не зная дня и ночи,
Матч вели мы самый трудный,

Где переиграть по счету,
Пропустив хоть гол в ворота,
То же самое, что черту
Подыграть в его заботах

Выиграть не дать всухую
Нам,
возможностию гола
Обольстив, чтоб атакуя,
Вышли мы из-под покрова

Той, что избавляет город

Всякий от наветов вражьих,
Тот же Оксфорд, о котором
Некому поплакать даже.

3 июня (21 мая) 1995 г. Праздник Владимирской иконы Б.М.

ПОСЛЕ ОКСФОРДА

Часть 1. Лядчино

Вернувшись из Британии, я первый месяц провел вместе с Олей и детьми у тещи и тестя в деревне Лядчино Окуловского района Новгородской области. Об этой деревне я еще ничего не писал, но хотя бы пару слов сказать нужно. В то время как мои родители осваивали садоводство на Мшинской¹⁹, Олины – купили (совсем недорого) прекрасный старый сруб и большой участок в Лядчино. У них была своя машина, Жигули, и это делало их более мобильными, позволяло купить дом вдали от Питера и вообще железной дороги – на своей машине, даже со всем скарбом и детьми они доезжали туда часа за 3,5-4, что было не так уж тяжело. Деревня в это время – в середине 90-х – была еще в сносном состоянии. Поля не пустовали, что-то на них росло. Коровы тоже у местных селян были, да и сами крестьяне еще не окончательно спились и/или разъехались – не все дома были проданы городским. Потом, в течение лет 10-15, прямо на наших глазах (я-то туда не часто, да и не надолго ездил, а жена и дети, пока они росли – каждое лето подолгу там проводили), деревня пришла в запустенье и перестала существовать как сельскохозяйственная единица²⁰. Теща и тесть в конце концов свой тамошний дом тоже кому-то из знакомых подарили (не было сил уже о нем заботиться, да и внуки все разъехались).

Сделав краткий исторический экскурс, скажу лишь, что это был такой специфический опыт – оказаться после Оксфорда с его цивилизацией: колледжами и библиотеками – в этой еще живой пока, но уже дышавшей на ладан русской деревне. Помню, самым сильным впечатлением было то, как на «Казанскую», т.е. 8 (21) июля, хотя это был рабочий день, в поле не оказалось ни человека – все местные (вряд ли особо верующие), соблюдая обычай, что работать в «Казанскую» – грех, пили по домам горькую, в честь праздника.

А коровы-то встречались и в Оксфорде (по уставу ряда колледжей профессора, а может, и студенты должны получать парное молоко, потому коровы там пасутся на заливных лугах прямо рядом с одним из старинных колледжей). Да, кстати о молоке. Не знаю, как сейчас, но, когда я 30 лет назад был в Оксфорде, там по утрам около почти каждого дома (из тех, что один дом на одну семью) с раннего утра молочник оставлял определенное число бутылок с молоком, и они так и стояли, пока хозяева их не забирали. Не похоже было, чтоб кто-то опасался, что бутылки эти украдут.

¹⁹ См. об этом в мемуарах в «Звезде», № 4, 2026 г.

²⁰ Все леса Окуловского района постепенно прибрал к рукам (взял в аренду на 50 лет, сняв статус заповедника) «заведующий» окуловскими сельскими лесами (как он себя сам величал в подвластных ему местных СМИ), директор ООО «Рассвет». Заполучив право на вырубку леса, он стал нанимать местных и пришлых мужиков на эту самую вырубку леса, которая производилась самым варварским способом – не жалели ни подлеска, ни почвы. Это стало прекрасным способом для него быстро обогатиться, а для мужиков быстро и достаточно прилично зарабатывать. Такие легко достававшиеся деньги тут же пропивались, мужики спивались, сельский труд был заброшен, обычными для мужиков на земле делами – возделывать землю, растить скот и т.д. уже никто заниматься не хотел, и очень скоро все это было заброшено, а поля заросли бурьяном. Впрочем, на лето в Лядчино купившие там дома люди из Питера, а может, и еще откуда, приезжают... Но обширные участки бесхозной необработанной и заросшей бурьяном и негодным мелколесьем земли стоят без смысла и дела, ожидая то ли большой беды, чтоб стать снова востребованными, когда, не дай Бог, людям придется бежать из городов, или, опять же, не дай Бог, нашествия иноплеменных, чтоб отдаться новому хозяину.

Но зато в Англии уже давно повырубали свой лес, и за грибами, да за ягодами, да и просто побродить по лесу – чему мы предавались в Лядчино – в Британии уже не сходить. Теперь, впрочем, и в Лядчино всего этого, говорят, нету... Но и университеты с библиотеками от этой вырубки не появились...

Часть 2. «Казанская» и учеба у леса

Я тогда, на «Казанскую», в Лядчино тоже по-своему отметил этот праздник – написал стихотворение, очередной 12-строфник (эта форма прочно вошла в мою новую поэтику). В нем отчасти отражается состояние духа, в котором я пребывал (ну, или старался пребывать), оказавшись после Оксфорда в России, а подспудно и то, как я воспринял ее после этого возвращения. Читал я тогда, в деревне, одну хорошую книжку, которая упоминается в первой строфе стихотворения:

В письмах игумена Никона –
Последнего времени праведника –
Смерть сравнивается с выходом
Из тюрьмы или лагеря.

Не буду здесь приводить весь этот двенадцатистрофник, он вошел в недавно вышедший сборник «Дважды двенадцать»²¹. Приведу лишь еще две строфы:

Да, коли жизнь не оскорбительна
Для нас, и не стерпим в ней скорби мы,
Иль смерть нам не будет спасительна,
Иль так и умрем ей покорными.

Существенны составляющие
Здесь обе – не только терпение,
Но так же и то, что пока еще
Мы здесь, эта жизнь – оскорбление.

Трудно мне было, одним словом, по приезде в Россию. Говоря попросту, я снова испытал цивилизационный шок, но на этот раз уже от своего земного отечества, увиденного после опыта другой, более, так сказать, культурной и разумно устроенной цивилизации, да еще в ее квинтэссенции, Оксфорде. Даже 9 месяцев, да и то с коротким перерывом на Рождественские каникулы, когда я летал в Россию, хватило, чтобы глаз и душа привыкли к иной «картинке» на улице, к другим лицам, к другому, наконец, образу жизни. Теперь нужно было учиться заново жить в России.

Была и другая проблема. Почти девять месяцев я жил без семьи, без жены и детей. Теперь нужно было по-новому привыкать и к этому – мирянскому и брачному образу жизни, особенно контрастировавшему с монашеским, к которому я отчасти приобщился под занавес своего пребывания в Британии, пожив в монастыре в Эссексе; да и моя жизнь в Оксфорде была – хотя бы во внешнем смысле – ближе к монашеской, чем к мирянской. Теперь, после такого опыта, требовалось не просто вернуться к старому, но и найти ему какое-то новое оправдание. Что я и сделал в одном из стихотворений, написанных там же, в Лядчино, благо окружавшая природа – тогда еще не вырубленный лес – дал подсказку. В этом тексте монашеский образ жизни сравнивается с вечнозелеными деревьями – соснами и елями, а мирянский – с деревьями, меняющими одежду по сезону, согласно годичному кругу. Как будто бы разница огромная, но суть сосен и елей не в постоянстве наряда, а точно

²¹ Г. Беневиц. Дважды двенадцать. Стихи с контекстами. М., СПб.: Руграм/Пальмира, 2025.

такая же, как и у прочих деревьев – в росте и «общей победе над смертью и тлением». Стихотворение получилось несколько дидактичное, но хотя бы какую-то установку задать себе было нужно. Тем более что вскоре, по возвращении в Питер, этот цивилизационный шок (контраст в Британией и особенно с Оксфордом) только усилился. В деревне-то он сглаживался пребыванием на природе, еще более или менее не погубленной, да в гостях у тещи и тестя. В городе же приходилось возвращаться к самостоятельной взрослой жизни.

Но и просто ходить по улицам, ездить в транспорте, видеть другие человеческие лица (а в Оксфорде ведь даже и для Британии лица исключительные), видеть это все вокруг, когда глаз привык к совсем другой картинке, если честно, было очень тяжело, даже не тяжело, а, пользуясь словом из стихотворения «Казанская», «оскорбительно». И тут, чтобы вынести это «оскорбление», не впасть в депрессию и не положить все силы на то, чтоб поскорее бежать из России куда глаза глядят, приходилось прибегать к тому единственному, к чему я немного навыв в монастыре в Эссексе – молитве. Чуть не год после Оксфорда я не мог без молитвы (не уверен, что это правильное ее употребление) ходить по улицам своего родного и любимого города, бывшего в середине 90-х в состоянии какого-то жуткого запустения и поруганности. Даже не только по сравнению с Оксфордом, но и по сравнению с ним же самим, каким он был еще не так давно, лет 5–7 назад. Или просто я на него смотрел другими глазами?..

Часть 3. Золотой век и апокалипсис

И хотел бы обойти эту историю – про свою большую статью под названием «Золотой век и апокалипсис (опыт христианской историософии)», да исследовательская совесть – где предмет исследования: история моих исканий и заблуждений – не позволяет все это «замять для ясности». Статья была опубликована в 1996 г. в Третьем томе Трудов ВРФШ (С. 55–94), составляла его Н.П. Я к тому времени уже перестал быть главным редактором ВРФШ, и, в частности, Трудов и перешел на ставку преподавателя. Так вот, хотя статья была опубликована только в 1996 г. и в очень странном для своего названия контексте – весь сборник Трудов назывался «Православное богословие и благотворительность (диакония)», но написана она (кроме краткого предисловия, обосновывающего ее наличие в этом сборнике) была раньше. Как значится в ее конце: в 1993 – августе 1995 г. Очевидно, такой точностью в указании дат написания я хотел нечто подчеркнуть, и теперь, не без труда, догадываюсь, что именно.

Но все по порядку. В 1993 г. мне в руки случайно попала книга американских футурологов Дж. Нэсбита и П. Эбурдин «Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000» (М.: Республика 1992). Написана она была в 1990, еще до распада СССР, но уже в разгар новой эпохи гласности и разоружения. Вопрос в книге ставился примерно так: перед человечеством стоит выбор – либо золотой век, который несет ему западное потребительское общество со своими ценностями, способом производства и идейными установками, либо ядерный апокалипсис. И, судя по тенденциям последнего времени (происходящему в СССР), человечество склонилось к первому варианту – выбрало золотой век. «Богатство – великий миротворец». «Мы обладаем средствами и возможностями построить сейчас у себя утопическое общество». Вот такими идеями и тезисами было наполнено это сочинение, не только предсказание о будущем, но и – идеологическая программа для всего человечества.

Так моему сознанию, только что повидавшему закат коммунистической утопии в СССР, открылась перспектива новой, предлагаемой нам утопии, в которой и моя страна, как это было видно из текста той же книги, должна принять участие – войти вместе со всеми, и прежде всего со странами Запада, в новый, «золотой век» человечества. Альтернатива же этому одна – ядерный апокалипсис.

Вот, в качестве реакции на эту, новую утопию, и была написана моя статья «Золотой век и апокалипсис», из самого названия которой видно, что я каким-то хитрым способом

альтернативу, обозначенную американскими футурологами, пытаюсь преодолеть. Статья писалась долго, начата была еще до поездки в Оксфорд, потом я продолжал работу над ней там, а закончил уже, вернувшись в Питер, в августе 1995 г. При этом замахнулся я, ни больше ни меньше, как на осмысление мировой истории, исторического пути и «смыслов-логосов» истории ключевых стран и народов Древнего, Нового и Новейшего мира, включая, конечно, США и Россию.

Пересказывать сейчас эту свою работу здесь я не буду. Потому что мне, с одной стороны неловко за мой дилетантизм, а с другой – жалко огульно отказываться от всего, что в этой статье написано и усмотрено. Да и по существу, что-то важное, несмотря на фактические ошибки и промахи, в статье ухвачено – в том, что касается смыслов европейской истории (если вообще можно говорить о них), и в том, что относится к США и России.

Тем не менее, по своим окончательным выводам и прогнозам (хотя они и не слишком конкретны, и, скорее, не прогнозы, а надежды; ох уж это *wishful thinking*) статью вполне можно считать провальной. Теперь, 30 лет спустя, об этом можно сказать со всею определенностью, поскольку она не прошла проверку временем. Взять хотя бы тот факт, что я – глядя на состояние России того времени, когда статья писалась, надеялся, что моя страна уже не бросит снова вызова США и всему Западу, так что и мир снова окажется на грани ядерной катастрофы.

Нет, разумеется, я не сомневался, что православный народ в России в массе своей идеологию «золотого века», с которой пришел к нам Запад, не примет. Но мне казалось, что и Россия, и РПЦ МП (горячим адептом которой я тогда был) не примет (как бы это ни было трудно) и антизападную идеологию, не станет больше противостоять Западу в военно-политическом отношении. Но при этом Церковь, точнее сами православные христиане, не принимая идеологию «мира сего» (в которой богатство – главный миротворец), не откажутся от самого идеала всеобщего мира (в Духе Святом), идеала, как я пытаюсь показать, ссылаясь, в частности, на преп. Силуана, глубоко православного. Но то, что звучит органично у «чистого как голубь» Силуана, у меня было искусственно и вымученно.

Наконец, придется сказать и о том, как моя личная так сказать церковная практика посмеялась над моими же декларациями и теоретическими выводами. В статье «Золотой век и апокалипсис» я противопоставил неверный, как мне казалось тогда, взгляд на Революцию и Советскую власть Зарубежной Церкви, верному взгляду – РПЦ МП. И что же? Не прошло и полугодия, как в результате того, что наш приход на Каменном острове был разогнан новым митрополитом Петербургским Владимиром (Котляровым) (об этом – в других частях мемуаров), нам пришлось искать прибежище ни где-нибудь, а в Зарубежной Церкви, куда перешел наш настоятель. А вслед за ним и большая часть общины, в том числе и я...

Сколько еще раз со мной будет происходить такое: только продекларируешь какие-то принципы и теоретические тезисы, да еще публично, как жизнь – всегда очень болезненно – опровергнет их.

Часть 4. Опять ВРФШ

С возвращением из Оксфорда Н.П., которая во многом и способствовала моему туда попаданию, не без оснований ждала от меня соответствующей отдачи. Для начала мне предложили сделать какой-нибудь умный доклад – чтобы на нем показать, с каким багажом и уровнем я вернулся (заодно это как-то должно было послужить рекламе Школы). Первые годы, когда в Школу буквально ломились, подошли к концу. Наступили более тяжелые времена, за студентов уже приходилось бороться, конкурируя с другими частными, да и государственными учебными заведениями, где тоже начало появляться что-то религиозно-философское. Так что Н.П. уже была озабочена и этим. Отказываться от предложения выступить с докладом было неудобно. Но вот, с чем, собственно, выступать? Не зачитывать

же на этом образцово-показательном докладе одно из своих патристических эссе, которые я писал владыке Каллисту. Прочитанный в Оксфорде и Лидсе доклад об евреях и Православной Церкви (мое главное на тот момент достижение) для этого тоже не годился.

Тут, кажется, в переписке с А.Ш., всплыло имя Филона Александрийского. И хотя исследований по Филону (без «вторичной литературы») я теперь ничем всерьез заниматься не мог) в Публичке и БАНе было крайне мало (что-то все же было), но зато в библиотеке классической гимназии (кажется, я туда попал впервые) оказалось прекрасное многотомное издание Филона серии Loeb Classical Library с параллельным английским и греческим текстом, в которое я с увлечением и погрузился. Так, уже почитав экзегезу Максима Исповедника и исследования о ней в Оксфорде, я впервые соприкоснулся с истоком александрийской богословской и экзегетической школы, и был по-настоящему потрясен. Конечно, за тот месяц, что мне дали на подготовку к докладу, я не мог ничего по-настоящему адекватное предмету изучить и понять, но свое восхищение Филоном – тем, что можно так, по-философски, читать Писание, я, полагаю, мне в этом выступлении передать удалось. Если не философам, для которых мой доклад был, вероятно, слишком простоват и логически не выверен, то студентам и пришедшим со стороны слушателям, а главное – Н.П. В конце концов, ради сопряжения веры и разума и была создана Школа.

Тем не менее, после этого доклада мне самому стало ясно, что всерьез на научном уровне (о котором я теперь имел кое-какое представление) я с моими знаниями и навыками при отсутствии свободного доступа к вторичной литературе (в наших библиотеках было, в лучшем случае старье), как это делал, например, А.Ш. в Принстоне (он уже писал свой блестящий диссер по Клименту Александрийскому), я заниматься ни патристикой, ни тем же Филоном, в Питере не смогу. Время для всего этого для меня не пришло, и за единственным исключением, когда я написал доклад для Оксфордской конференции по преп. Максиму, проходившей в марте 1997 г., я всерьез к патристике не обращался, что не помешало мне начать ее преподавать.

Такова была тогда, так сказать, производственная необходимость. Кто-то должен был этим в ВРФШ заниматься, и, имея в руках с десяток эссе по тому интенсивному курсу патристики, который я прошел с владыкой Каллистом, я начал – не шибко углубляя эти же самые эссе (для этого не было достаточно материалов), все это бедным студентам преподавать. Не Бог весть какой уровень (я помнил лекции В. Лурье., и понимал, что я сильно уступаю ему, читавшему отцов в подлиннике, да и вторичку на всех языках), но чем богаты, тем наши студенты были вынуждены и довольствоваться. Единственно, что я пытался, по крайней мере, давать все это не начетнически, а как-то проблемно, как меня и научили в Оксфорде, но долго еще мне приходилось компенсировать (борясь с неуверенностью) отсутствие реальных знаний всяческой православной риторикой. Впрочем, еще через три года, в 1999 г. (я уже немного наострился), когда В. Лурье, преподававший патристику в Институте Богословия и Философии (ИБИФе), ушел оттуда, я заступил на его место и там. Помимо патристики я в ВРФШ начал читать где-то в 1996-1997 гг. и историю Церкви I-XV вв. (так что и этот предмет, неотделимый от истории Римской империи и Византии, пришлось тоже осваивать).

Как бы то ни было, с начала 1996 г. я был переведен в ВРФШ с должности главного редактора на должность преподавателя. Но на этом «капитализация» моего пребывания в Оксфорде не закончилась. Самому мне бы, конечно, ничего такого в голову не пришло, но Н.П., после моего рассказа о выступлении в обществе «Лехаим» в Оксфорде и потом в университете в Лидсе с докладом на тему богословия после Освенцима и ГУЛАГа, не без влияния и связей Исидора Геймовича Левина²², решила, очевидно, «капитализировать» и эту тематику, найдя спонсоров на две большие международные конференции (с изданием их материалов) (сначала, в январе 1997 г., а потом – в январе 1998 г.), в которых я принимал участие (на первой частично повторив свой доклад, сделанный в Оксфорде). Но это

²² См. о нем в Википедии.

отдельные истории, которые требуют особого рассказа, когда мемуары дойдут до этого времени.

Суммируя все сказанное, а именно, что наука мне была не по зубам, а в преподавании и прочих своих выступлениях с «православных позиций» я компенсировал недостающие знания риторикой, надо мной нависла реальная опасность (во многом в эти годы и реализовавшаяся) стать тем, что можно было бы назвать «профессиональным православным» (по аналогии с недавно услышанным мною понятием «профессиональный еврей»). А учитывая, что моя жизнь (по моим понятиям) была далека от тех идеалов, которые я вольно или невольно проповедовал, когда произносил соответствующие речи (с учетом некоторых семейных событий, о которых я здесь умолчу, где я оказался, мягко говоря, не на высоте), все это создавало во мне перманентный духовный кризис. Но никто и не обещал, что будет легко, и приходилось как-то со всем этим жить, что без храма и нашего прихода было бы, наверное, невозможно.

Да, вот, еще стишки иногда помогали.

Из неправоты

...из неправоты
своей сугубой
нам произвести
лишь удастся
тот эффект особый,
который называется стихом;

...из неправоты:
перед людьми, пред Богом,..
из дарованного нам
права быть неправыми пред ними –
людьми и Богом, –
права быть собой.

06.12.95

Получалось нечто противоположное мандельштамовскому определению поэзии как «сознания своей правоты». А может, и не противоположное, смотря как трактовать...²³

²³ Через много лет тема неправоты отозвалась у меня неожиданным образом в еще одном маленьком стихотворении: «живя с одряхлевшей десницей, / с сознанием неправоты, / поймешь, что и перекреститься / мог Божией милостью ты» (2026).